

Научная статья

УДК 343.979+93/94

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-24-31

Уголовно-правовые основы борьбы с профессиональной преступностью в Советской России в 1917–20-е годы

Кристина Александровна Зарубина

Юго-Западный государственный университет
Курск, Россия

kris1996z@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются вопросы разработки отечественного уголовного законодательства в первые годы утверждения советской власти для борьбы с одной из наиболее опасных угроз общественной безопасности страны – профессиональной преступностью. В ходе сравнительно-правового исследования важнейших нормативных правовых актов, регулирующих уголовно-правовые отношения, выявлены основные средства привлечения к уголовной ответственности профессиональных преступников. Определено, что в советском уголовном законодательстве существовала «специальная» статья для «профессионалов», ужесточающая наказание за совершение преступления не просто уголовником, а настоящим профессиональным преступником. Однако в рамках устоявшейся правовой системы и сложившейся еще в дореволюционный период практики привлечения к ответственности за систематичность преступной деятельности данное новаторство не «прижилось». Из закона понятие «профессиональный преступник» было изъято, а повторность преступной деятельности стала определяться законодателем с помощью иных привычных для отечественного уголовного законодательства понятий, таких как рецидив, промысел, повторность, систематичность и т. д. Однако эти институты уголовного права в полной мере не позволяли обнаружить среди иных видов преступности именно профессиональную, вследствие чего правовые меры противодействия рассматриваемого вида преступности на практике демонстрировали недостаточную эффективность реализации.

Ключевые слова

профессиональная преступность, криминальный профессионализм, уголовный закон, Уголовный кодекс РСФСР, уголовная политика, преступность, квалифицирующий признак, преступный промысел, повторность

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках государственного задания на 2024 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 085102020-0033).

Для цитирования

Зарубина К. А. Уголовно-правовые основы борьбы с профессиональной преступностью в Советской России в 1917–20-е годы // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1. С. 24–31. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-24-31

© Зарубина К. А., 2024

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1
Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 1

The Criminal Law Foundations of the Fight against Professional Crime in Soviet Russia in the 1917-1920s

Kristina A. Zarubina

South-West State University
Kursk, Russian Federation

kris1996z@mail.ru

Annotation

The article examines the issues of the development of domestic criminal legislation in the early years of the establishment of Soviet power to combat one of the most dangerous threats to public security of the country – professional crime. In the course of a comparative legal study of the most important normative legal acts regulating criminal law relations, the main means of bringing professional criminals to criminal responsibility have been identified. It is determined that in the Soviet criminal legislation there was a «special» article for «professionals», which toughens the punishment for committing a crime not just by a criminal, but by real professional criminals. However, within the framework of the established legal system and the practice of bringing to justice for the systematic nature of criminal activity that developed back in the pre-revolutionary period, this innovation did not «catch on». The concept of «professional criminal» was removed from the law, and the repetition of criminal activity began to be determined by the legislator using other concepts familiar to domestic criminal legislation, such as recidivism, fishing, repetition, systematic, etc. However, these institutions of criminal law did not fully allow the detection of professional crime among other types of crime, as a result of which legal measures to counter this type of crime in practice demonstrated insufficient effectiveness of implementation.

Keywords

professional crime, criminal professionalism, criminal law, Criminal Code of the RSFSR, criminal policy, criminality, qualifying feature, criminal craft, repetition

Financing

The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2024 «Transformation of private and public law in the context of evolving personality, society and the state» (number 085102020-0033).

For citation

Zarubina K. A. Criminal and legal foundations of the fight against professional crime in Soviet Russia in the 1917–1920's. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 24–31. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-24-31

В 1917 г. практически все российское общество было втянуто в фарватер политической борьбы. Революционные события, захлестнувшие страну, высвободили на «волю» не только дремлющие до того момента политические, но и криминальные силы. Слом привычного общественного устройства, основ государственности и традиционных социальных институтов неизбежно привел к росту преступности в стране. Несмотря на отсутствие полной картины статистического учета преступности в рассматриваемый период, можно утверждать, что в это время наблюдалось значительное обострение криминогенной ситуации. Как отмечал известный советский ученый-правовед и криминолог А. А. Герцензон, «Трудно привести какие-либо данные о преступности в период гражданской войны. Можно лишь предполагать, что рост тяжкой преступности не приостанавливался и в первые годы после Октябрьской революции...» [1, с. 72]. Основываясь на сохранившихся фрагментарных статистических сведениях, исследователь констатировал, что в 1923–1925 гг. московская преступность превышала дореволюционные показатели, а контингент рецидивистов значительно возрос. Число заключенных увеличилось почти вдвое, ежегодно этот рост оценивался в 15–20 %. Наибольший удельный вес в общей массе возникших уголовных дел составляли имущественные преступления (например, в 1922–1926 гг. – до 40 %) [2, с. 41–82]. Пик преступной активности приходился в довоенный период на 1924 г. В дальнейшем обнаруживался тренд снижения числа общественно опасных посягательств [3, с. 56–57].

Так, в первое десятилетие утверждения и укрепления советской власти преступность в государстве рассматривалась как одна из главных угроз государству [4, с. 99–105]. В результате

этого противодействие активно развивающейся и постоянно видоизменяющейся преступности объективно стало вопросом выживания новой Советской России, вследствие чего данной проблеме со стороны власти уделялось большое внимание.

На фоне ведения военных действий, в сложных условиях социально-экономической и политической нестабильности основным средством воздействия на общество было выбран метод властного предписания, он же метод запрета, или императивный метод. Советским правительством была создана, действительно, уникальная, отвечающая требованиям защиты основ социалистического строя и интересам революции система законодательства, где важнейшую роль играли нормы уголовного права.

Важным направлением реализации уголовной политики страны в этот период стала организация противодействия активно развивающейся профессиональной преступности, являющейся системообразующим элементом общеуголовной преступности, ядром отечественного криминалитета, деятельность которого напрямую угрожала национальной безопасности советского государства. Причем это противодействие уголовно-правовыми средствами реализовывалось в достаточно жесткой форме.

В одном из первых нормативных правовых актов советского правительства – Временной инструкции от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы и о порядке отбывания такового» определено, что распределительная комиссия наделялась специальным правом представлять в местный революционный трибунал для решения вопроса об их дальнейшей изоляции после отбывания наказания не только погромщиков, хулиганов, но и так называемых упорных рецидивистов [5, с. 54–60]. По сути, наказание в данном случае назначалось не в связи с совершением лицом того или иного преступления, а в соответствии с криминальным статусом, который был «присвоен» осужденному в местах лишения свободы [6, с. 169–176]. В соответствии с утверждением законодателя, упорный рецидивист – это особо опасный преступник, не желающий стать на путь исправления [7, с. 108], что роднит его с преступником-профессионалом, имеющим такую же мировоззренческую установку.

Для борьбы с деятельностью профессиональных преступников уже в первом нормативном правовом акте, определяющем основы уголовной политики нового советского государства, – Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. – закреплялось: «При определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным» (п. «г», ст. 12)¹. Несмотря на признаваемое многими исследователями не совсем удачное конструирование нормы, смешение нетождественных понятий «профессиональный преступник» и «рецидивист» [8, с. 36–39], попытка акцентировать внимание законодателя на «болевых» точках заслуживает внимания.

Основополагающие идеи, отраженные в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., получили дальнейшее развитие в процессе создания первых кодифицированных актов. Первый Уголовный кодекс РСФСР был принят в 1922 г. Основной целью принятия данного документа было ограждение советского государства и революционного правопорядка от общественно опасных элементов. Структура Кодекса такова, что в ней отсутствует традиционное деление статей на части с указанием квалифицированных составов преступления. Законодатель разделил нормы на пункты с буквенной нумерацией [9, с. 122–126]. Однако именно в этом Кодексе впервые в истории отечественного законодательства произошло разделение понятий «профессиональный преступник» и «рецидивист». В п. «е» ст. 25 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. декларировалось: «Для определения меры наказания различается, совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, **или** (выделено автором) оно совершено в первый раз». Это означало, что при разрешении дела судьи обязательно должны были выяснять, совершено ли преступление «рядовым» или профессиональным преступни-

¹Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901870462> (дата обращения: 10.01.2024).

ком, и если криминальный профессионализм обнаруживался в действиях подсудимого, то ему следовало назначить самое строгое наказание, которое предусматривалось в санкции соответствующей нормы. Явным недостатком статьи можно назвать отсутствие каких бы то ни было критериев, позволяющих причислять преступника именно к «профессионалам», что давало правоприменителям определенную вольность при квалификации преступных деяний по этой норме, хотя законодатель впервые справедливо указывает на отсутствие совпадения по объему понятий «рецидивист» и «преступник-профессионал».

Особо интересны положения п. «б» ст. 180 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., где к отягчающим обстоятельствам совершения кражи законодатель прямо относил применение орудий или инструментов, иных технических приспособлений и приемов, а равно и случаи, когда деяние совершено лицом, занимающимся кражами как **профессией** (выделено автором)². В практическом комментарии к Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. указывалось: «Квалифицированная кража, т. е. более опасная, считается таковою: когда она совершена с помощью технических приспособлений и приемов; когда она совершена лицом, занимающимся кражами как профессией. Таким лицом надо считать всякого, кто делает себе из краж свой заработок вполне или, кто хотя бы и занимается каким-либо трудом, но кроме того промышляет и кражами. Не требуется, чтобы было несколько предварительных осуждений за кражу. Профессионалом-вором суд может признать и того, кто судится в первый раз...» [10, с. 266–267]. Отметим, что за простую кражу преступнику грозило лишение свободы на срок до 6 месяцев, а за представленный состав – до 2 лет. Примечательно, что указание на занятие преступной деятельностью как профессией присутствует в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. только в конструкции состава кражи, в то время как иные традиционно «популярные» в обществе преступления корыстной направленности (например, мошенничество, разбой, грабеж) обделены вниманием законодателя. Согласимся с мнением исследователя П. А. Скобликова о том, что это указывает на исключительную распространенность в структуре профессиональной преступности именно краж, преобладание среди преступников-профессионалов «крадунов» – лиц, совершающих на постоянной основе тайные хищения чужого имущества, и их наибольшее приобщение к ценностям криминального мира среди иных «профессионалов» [11, с. 11–24].

Анализ других положений Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. также позволяет говорить о выделении законодателем повторности преступной деятельности как отягчающего обстоятельства (хотя и в разных технико-юридических формах). Например, п. «з» ст. 180 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. устанавливала более высокая степень ответственности за систематическое совершение хищений из государственных складов, вагонов, судов и других хранилищ, ст. 183 – за грабеж, совершенный рецидивистом, а ст. 184 – за разбой при рецидиве. Данные признаки преимущественно использовались при конструировании квалифицированных составов преступлений и косвенно указывали на профессиональный характер преступной деятельности, хотя полностью не исчерпывали данное понятие [12, с. 63–66].

После образования СССР назрела объективная необходимость в формировании единого правового пространства, в том числе и уголовно-правового. С этой целью в 1924 г. приняты Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые уже не содержали прямого указания на совершение преступления «профессионалом» как отягчающего обстоятельства, но закрепляли такой близкий к профессиональной преступной деятельности уголовно-правовой институт, как рецидив (п. «г» ст. 31)³.

² ВЦИК, Постановление от 1 июня 1922 г. о введении в действие Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=42602#09545321764657917> (дата обращения: 10.01.2024).

³ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--plai/node/13946> (дата обращения: 10.01.2024).

В 1926 г. был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, в котором также отсутствовало прямое указание на борьбу с профессиональной преступностью. Понятие «профессиональный преступник» из уголовного закона было исключено. Не встречалось в тексте закона и понятие «рецидив», хотя повторное совершение грабежа, разбоя, краж, некоторых иных преступлений корыстной или корыстно-насильственной направленности законодателем выделялось в качестве квалифицирующего признака (например, п. «б» ст. 162, ст. 165–167 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.)⁴. Особо примечательно указание на возможность подделки государственных кредитных билетов, металлических монет, банковских билетов Государственного банка, денежных бон, государственных ценных бумаг и т. п., осуществляемой в виде промысла (ст. 59.8 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.). Подобным образом определялась повышенная общественная опасность покупки заведомо краденого, ростовщичества (ст. 164, 173 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.)⁵. Так, в уголовно-правовых нормах систематичность преступной деятельность стала чаще определяться с помощью таких понятий, как промысел, неоднократность, повторность.

Примечательно, что эти приемы юридической техники были совершенно не новы. При сопоставлении дореволюционного уголовного законодательства, так яростно отрицаемого советским правительством, и первых уголовных кодексов РСФСР обнаружено, что ст. 432 Уголовного уложения 1903 г. (подделка денежных средств, осуществляемая в виде промысла)⁶ «напоминает» ст. 85 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (подделка денежных знаков и государственных процентных бумаг, марок и других знаков государственной оплаты, совершенная в виде промысла)⁷. А квалифицированный состав ст. 616 Уголовного уложения 1903 г. (приобретение, принятие для хранения или для сокрытия или в заклад или для сбыта или в сбыт чужого имущества, заведомо добытого тяжким преступлением, совершенное в виде промысла)⁸ по смыслу тождественна ст. 181 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (покупка заведомо краденого, совершаемое в виде промысла и с целью сбыта)⁹. Преемственность также обнаруживается в иных нормах уголовного законодательства (как правило, при указании на занятие той или иной преступной деятельностью корыстной или корыстно-насильственной направленности в виде промысла, повторно или неоднократно). Кроме того, подчеркнем, что если в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. насчитывалось всего 5 составов корыстных преступлений, преследующих преступный промысел (ст. 85, 97, 139, 181, 193), то в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. таких составов уже 9 (ст. 59.8, 59.10, 59.12, 99, 102, 103, 104, 164, 173)¹⁰. Вследствие этого можно заключить, что особенности конструирования норм уголовного законодательства, направленных на борьбу с профессиональной преступностью, в советское время с дореволюционного периода сохранились и преумножились, что обусловлено их системообразующим характером, базирующемся на выработанной веками в отечественном уголовном праве правовой традиции, в то время как отдельные новаторства борьбы с преступниками-профессионалами уголовно-правовыми средствами, несмотря на сложность криминогенной обстановки в государстве в период утверждения советской власти, не прижились.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 10.01.2024).

⁵ Там же.

⁶ Уголовное уложение 1903 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 38. СПб. С. 86.

⁷ См.: ВЦИК, Постановление от 1 июня 1922 г. о введении в действие Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.

⁸ См.: Уголовное уложение 1903 г.

⁹ См.: ВЦИК, Постановление от 1 июня 1922 г. о введении в действие Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.

¹⁰ См.: Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г.

Особо стоит подчеркнуть, что в 1917–20-е гг. основу политики советского государства в сфере борьбы с профессиональной преступностью, по справедливому замечанию отдельных исследователей, составляло постоянное ужесточение карательных мер и практически полное игнорирование социальных причин развития криминального мира, живущего по своим принципам и законам. Советскому государству, действительно, удавалось с помощью карательных мер уничтожить отдельных преступников-профессионалов, не затрагивая организационных и идейных основ механизмов самодетерминации преступного сообщества [13, с. 43–47]. Полагая, что результатом не совсем верного определения направлений борьбы с профессиональной преступностью можно считать еще более стремительное развитие советского криминалитета, что привело уже в 20-х гг. XX в. к формированию такой опасной преступной «касты», как «воры в законе», состоящей из преступников, занимающих высшее положение в криминальной иерархии [14, с. 404–414].

Таким образом, в связи с обострением криминогенной ситуации в стране в условиях сложной социально-экономической и политической действительности 1917–20-х гг. рычагом стабилизации российского общества был выбран уголовный закон, устанавливающий суровые санкции за совершение наиболее опасных для государства преступлений, в том числе антиобщественных деяний, совершаемых на профессиональной основе. Трансформация всей системы реализации уголовно-правовой политики в стране привела к появлению в законодательстве «специальных» норм для «профессионалов». Так, в уголовной политике определился новый вектор по борьбе с профессиональной преступностью, однако в рамках устоявшейся правовой системы и сложившейся еще в дореволюционный период практики привлечения к ответственности за систематичность преступной деятельности многие новаторства не «прижились». Из Уголовного кодекса РСФСР уже в 1926 г. понятие «профессиональный преступник» было изъято, а повторность преступной деятельности стала определяться законодателем с помощью иных привычных для отечественного уголовного законодательства, хоть и не совсем разграниченных друг от друга понятий, таких как рецидив, промысел, повторность, систематичность и т. д. Однако эти институты уголовного права в полной мере не позволяли обнаружить среди иных видов преступности именно профессиональную. В связи с тем, что законодатель стремился расширить сферу уголовной репрессии за систематичность занятия преступной деятельностью не только тождественных и (или) однородных преступлений корыстной и корыстно-насильственной направленности, составляющих основу профессиональной преступности, но и неоднородных преступлений, задача борьбы с преступниками-профессионалами решалась недостаточно эффективно. В результате чего отечественный криминалитет стал еще более монолитным и устойчивым, а профессиональная преступность стала развиваться еще более интенсивно.

Список литературы

1. Герцензон А. А. Основные тенденции динамики преступности за десять лет // Институт советского права. 1928. № 1 (31). С. 72–73.
2. Герцензон А. А. Общеуголовная преступность и классовое начало в уголовной политике СССР // Журнал института советского права. 1927. № 6 (24). С. 41–82.
3. Лунеев В. В. Преступность XX века. М., 1997. 526 с.
4. Альбертий Ю. В. Борьба с преступностью как средство укрепления законности в советском государстве 1920-х годов // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 4 (40). С. 99–105.
5. Южанин В. Е. Ответственность за многократный рецидив преступлений по законодательству России (исторический аспект) // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2 (89). С. 54–60.

6. **Абдрахманова Е. Р.** Обеспечение реализации лишения свободы в СССР и РСФСР (Российской Федерации) // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 169–176.
7. **Возжанникова И. Г.** Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 198 с.
8. **Жук М. С.** Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: предпосылки формирования новой системы российского законодательства в советский период // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 4. С. 36–39.
9. **Иванова О. М.** Краткий очерк об истории становления советского уголовного законодательства об имущественных преступлениях (1917–1922 гг.) // Вестник Московского ун-та МВД России. 2014. № 6. С. 122–126.
10. Уголовный кодекс: практический комментарий (с дополнениями и изменениями по 1 июня 1925 г.) / Под ред. М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. М.: Право и жизнь, 1925. 390 с.
11. **Скобников П. А.** Уголовно-правовое значение профессионализации преступной деятельности (на примере УК РСФСР 1922 г. и УК РФ 1996 г.) // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12 (145). С. 11–24.
12. **Прохорова М. Л., Горенко М. Г.** Промысел как вид множественности преступлений: компаративистские и теоретические аспекты // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 63–66.
13. **Данчева С. Н.** История уголовной политики российского государства в борьбе с профессиональной преступностью // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2010. № 5 (181). С. 43–47.
14. **Клейменов М. П., Корнеев Д. В.** Криминальные лидеры вчера и сегодня // Вестник ОмГУ. 2012. № 3 (65). С. 404–414.

References

1. **Herzenzon A. A.** The main trends in crime dynamics over ten years. *Institute of Soviet Law*, 1928, no. 1 (31), pp. 72–73. (in Russ.)
2. **Herzenzon A. A.** Ordinary crime and the class principle in the criminal policy of the USSR. *Journal of the Institute of Soviet Law*, 1927, no. 6 (24), pp. 41–82. (in Russ.)
3. **Luneev V. V.** Crime of the XX century. Moscow, 1997, 526 p. (in Russ.)
4. **Albertiy Yu. V.** The fight against crime as a means of strengthening the rule of law in the Soviet state of the 1920s. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences*, 2020, no. 4 (40), pp. 99–105. (in Russ.)
5. **Yuzhanin V. E.** Responsibility for multiple recidivism of crimes under the legislation of Russia (historical aspect). *Man: crime and punishment*, 2015, no. 2 (89), pp. 54–60. (in Russ.)
6. **Abdrakhmanova E. R.** Ensuring the implementation of deprivation of liberty in the USSR and the RSFSR (Russian Federation). *Gaps in Russian legislation*, 2016, no. 4, pp. 169–176. (in Russ.)
7. **Vozzhannikova I. G.** Recidivism of crimes in the criminal law of Russia: concept, types, meaning: dissertation ... Candidate of Law Sciences. Moscow, 2017, 198 p. (in Russ.)
8. **Zhuk M. S.** Guiding principles on criminal law of the RSFSR in 1919: prerequisites for the formation of a new system of Russian legislation in the Soviet period. *Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2019, no. 4, pp. 36–39. (in Russ.)
9. **Ivanova O. M.** A brief essay on the history of the formation of Soviet criminal legislation on property crimes (1917–1922). *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 6, pp. 122–126. (in Russ.)
10. The Criminal Code: a practical commentary (with additions and amendments to June 1, 1925). Gernet M. N. and Trainin A. N. (Eds.). Moscow, Pravo i Zhizn Publishing House, 1925, 390 p. (in Russ.)

11. **Skoblikov P. A.** The criminal legal significance of professionalization of criminal activity (on the example of the Criminal Code of the RSFSR in 1922 and the Criminal Code of the Russian Federation in 1996). *Actual problems of Russian law*, 2022, no. 12 (145), pp. 11–24. (in Russ.)
12. **Prokhorova M. L., Gorenko M. G.** Fishing as a type of multiplicity of crimes: comparative and theoretical aspects. *Society: politics, economics, law*, 2017, no. 5, pp. 63–66. (in Russ.)
13. **Dancheva S. N.** The history of the criminal policy of the Russian state in the fight against professional crime. *Bulletin of SUSU. Series: Law*, 2010, no. 5 (181), pp. 43–47. (in Russ.)
14. **Kleimenov M. P., Korneev D. V.** Criminal leaders yesterday and today. *Bulletin of OmSU*, 2012, no. 3 (65), pp. 404–414. (in Russ.)

Информация об авторе

Зарубина Кристина Александровна, кандидат исторических наук

Information about the Author

Kristina A. Zarubina, Candidate of Historical Sciences

*Статья поступила в редакцию 17.02.2024;
одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 07.03.2024
The article was submitted 17.02.2024;
approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 07.03.2024*